

Мемуары священника Иоанна Рыжановского о паломничестве в Палестину и на Афон (1867 г.)

К.Е. Балдин (Иваново)

Некоторые русские паломники, посещавшие Святую Землю, своими путевыми заметками вносили свой посильный вклад в отечественную литературу. Начало жанру «хождений» положил еще в XII в. широко известный игумен Даниил. В условиях средневековья эти литературные памятники были настолько редкими, что каждый из них становился событием в российской словесности. В первой половине позапрошлого столетия и в начале XX в. таких воспоминаний стало заметно больше, а во второй половине XIX века они насчитывались уже десятками. Однако качество этих литературных произведений в целом несколько снизилось, т.к. за перо брались не только высокообразованные поклонники-дворяне или представители ученого духовенства, но и приходские священники, за плечами которых было лишь семинарское образование. Некоторые из этих «хождений» публиковались на страницах всероссийских повременных изданий – «Богословского вестника», «Душеполезного чтения» и др. Но больше всего их появилось в «Епархиальных ведомостях». Абсолютное большинство этих источников личного происхождения прочно забыты и не вводились в научный оборот исследователями, занимающимися историей русского православного паломничества в Палестину и на Афон. Вместе с тем, эти воспоминания вносят свой вклад в почти неисчерпаемую тему, расцветивая ее новыми красками личного восприятия. Среди таких мемуаров свое достойное место занимает «Описание путешествия священника Подольской епархии Иоанна Рыжановского в Иерусалим, его окрестности и на св. гору Афон, 1867 года».

Об авторе мемуаров известно очень немного. Он служил священником в селе Полянецкое, которое располагалось в восточной части Балтского уезда Подольской губернии. В настоящее время этот населенный пункт территориально входит в состав Савранского района Одесской области Украины. Удалось найти в электронных ресурсах свидетельство о том, что в 1867 г., т.е. сразу же после паломничества о. Иоанн передал в местную церковь села Полянецкого привезенную с Афона икону Божьей Матери «Достойно есть»¹.

О дате рождения автора можно только догадываться. В мемуарах он называет себя «многогрешным стариком», т.е. во время паломничества он находился в преклонном возрасте. Процитированные выше вряд ли являлось авторским кокетством т.к. паломнические записки не относятся к жанру, в рамках которого такое кокетство возможно. В самом конце воспоминаний есть еще одно свидетельство о возрасте мемуариста. Когда он поделился с афонскими монахами своими планами о подъеме на вершину Святой горы, то один из них заявил, что русскому паломнику это не удастся сделать «при такой старости»².

Мемуары И. Рыжановского увидели свет на страницах «Подольских епархиальных ведомостей». Последние представляли собой типичный пример местного церковного официоза и начали выходить ранее, чем многие другие аналогичные журналы. Самыми первыми в этой линейке повременных изданий стали «Ярославские епархиальные ведомости», их начали издавать в 1860 г. Только на два года отстал от них журнал Подольской епархии, который стали печатать в губернской и епархиальной столице – городе Каменец-Подольске³. Всего до революции такие церковные официозы имелись в 63 епархиях.

Рассматриваемые нами «Подольские епархиальные ведомости» выходили сначала раз в две недели – 1 и 15 числа каждого месяца. С 1901 по 1904 г. они стали еженедельником, а с 1906 г. вместо них читатели стали получать журнал «Православная

Подолія» и газету «Подолія». Как и любой другой журнал такого рода «Подольские епархиальные ведомости» были разделены на официальную и неофициальную части. В первой из них публиковались указы самодержца, распоряжения Святейшего Синода и епархиального архиерея, сведения о рукоположении, поставлении, перемещении и уходе на покой священнослужителей, а также многое другое. Более содержательной и интересной с точки зрения широкой читательской аудитории представлялась неофициальная часть, в которой печатались образцовые проповеди, статьи богословские и нравственно-религиозные, церковно-исторические публикации и информация о религиозной жизни в России. В этой части и увидели свет воспоминания о хождении в Святую Землю и на Святую Гору о. Иоанна Рыжановского.

Его путевые записки были напечатаны в 1868-1869 гг. по свежим следам поездки, состоявшейся в 1867 г. В 1868 г. три отрывка мемуаров были опубликованы номерах с 5-го по 7-й, затем текст воспоминаний печатался с перерывами в №№ 10, 13, 17, 22 и 23 за тот же год. Можно предположить, что у автора в это время не было готового к печати полного текста, поэтому публикация осуществлялась, что называется, «с колес». Затем с декабря 1867 г. по апрель 1868 г. последовал довольно длительный перерыв и в №№ 8, 10 и 11 за 1869 г. было опубликовано окончание путевых записок о. Иоанна⁴. Общий объем текста в пересчете на современные единицы измерения – 3,9 печатных листов. Текст в последнем отрывке (№ 11 за 1869 г.) резко оборван, какое-либо внятное завершение его отсутствует. Что помешало завершить публикацию, сказать трудно при том, что информации об авторе минимальна. Вместе с тем, можно с большой долей уверенности предположить, что абсолютное большинство объема воспоминаний автора все же напечатано.

Текст форматирован не в виде дневника. Автор явно писал его по памяти уже после путешествия, либо используя беглые наброски, сделанные в ходе поездки. Поэтому текст структурирован не по датам, а по тематическим главам, а точнее (с учетом их небольшого размера) главам. Каждая из них носит свое название. Путешествие к берегам Палестины описано в разделах, носящих название городов (островов), где останавливалось перевозившее паломников судно: «Константинополь», «Смирна», «Родос». В описании странствований по Святой земле главы названы по священным достопримечательностям: «Гроб Господень», «Елеонская гора», «Вифлеем», «Пещера пророка Иеремии и гробницы царей иудейских» и др. Путешествие по Афону описывается по разделам, носящим название святогорских монастырей: «Котломуш», «Ватопед», «Пантократор», «Ставроникита» и др.

В тексте воспоминаний содержится довольно много архаической лексики и церковнославянизмов. Причиной этого, безусловно, является принадлежность мемуариста к духовному сословию, а также недостаточный опыт письменного изложения своих впечатлений. В тексте встречаются такие слова, как «отверз» вместо «отворил», «облобызать» вместо «поцеловать», «генваря» вместо «января», «осьмнадцать» вместо «восемнадцать», «соседственные» вместо «соседние». Эти примеры можно было бы при желании многократно умножить⁵. По тексту заметно, что автор пользовался возвышенным и архаическим стилем преимущественно тогда, когда он рассказывал об особенно чтимых христианских святынях.

Для о. Иоанна характерна некая провинциальность, проявлявшаяся, том числе в простоте и неискушенности. Местом его пастырского служения было село в Подолии, расположенное далеко от крупных экономических и культурных центров. Общекультурный кругозор автора был не очень широким. Судя по всему, его круг чтения ограничивался богослужебными книгами. В тексте упоминается лишь одна книга о Палестине. Это считавшиеся тогда почти классикой жанра «Странствования по святым местам Востока» В.Г. Григоровича-Барского⁶. Характерно, что автор этих паломнических записок являлся земляком И. Рыжановского: Барский был родом из подольского города Бар.

Для сравнения обратимся к другим мемуарам, которые написаны посетившим Палестину в 1890-х гг. священником из Вятской губернии Александром Трапицыным, они называются «Из впечатлений паломника в Св. землю». Эти воспоминания снабжены многочисленными ссылками на источники личного происхождения и на научную литературу, прочитанную им. Он часто цитирует «Хождение» игумена Даниила в Палестину⁷, обращается в своих воспоминаниях к известной в то время двухтомной книге профессора Киевской духовной академии А.А. Олесницкого «Святая земля»⁸, к «Сообщениям» Императорского Православного Палестинского Общества⁹ и даже к публикациям во французской прессе. Вятский паломник познакомился и с воспоминаниями о путешествии в Палестину его предшественников, в частности А.С. Норова¹⁰ и др. А.И. Трапицын, в отличие от А. Рыжановского, имел высшее образование, будучи выпускником духовной академии, он преподавал Закон Божий в Вятском женском епархиальном училище и местном реальном училище, соответственно его общекультурный и богословский кругозор был значительно шире, чем у сельского иерея.

Провинциальность И. Рыжановского проявлялась, как нам представляется, также и в явно выраженной в мемуарах робости по отношению к начальству. Вскоре после прибытия в Иерусалим автор явился к патриарху для того чтобы испросить его разрешения на служение в храмах Палестины совместно с греческим духовенством. XIX век относится к синодальному периоду в истории РПЦ, и в русской иерархии в то время не было предстоятеля церкви с патриаршим титулом, поэтому паломник отнесся к Иерусалимскому патриарху Никанору не просто с пиететом, а с неким трепетом. В это время Иерусалимскую церковь возглавлял Кирилл II (на кафедре с 1845 по 1872 г.). Он спросил через переводчика у подольского клирика, есть ли у него камилавка и, узнав, что такого головного убора он не имеет, сказал, что даст благословение на службу, если о. Иоанн купит его или сошьет. Когда через два дня И. Рыжановский с крайней робостью снова явился к патриарху, держа в руках камилавку и не дерзая одеть ее сам, патриарх поднялся с дивана, сам возложил его на русского священника, произнеся: «Теперь пускай служит, где Бог его приведет». Этот эпизод паломничества стал одним из самых запомнившихся для о. Иоанна¹¹.

По тексту дневника легко читается маршрут паломничества И. Рыжановского. Также по источнику можно более или менее точно восстановить хронологию этого путешествия. В отличие от дневника, авторы мемуаров не всегда регулярно фиксировали точные даты пребывания в том или ином месте, но в «хождении» о. Иоанна эти хронологические опорные точки изредка встречаются и служат ориентирами для внимательного читателя.

Автор вступил на палубу парохода, отправлявшегося из Одессы, 28 января 1867 года. На несколько дней он задержался во время стоянки парохода в Константинополе, затем последовали более краткие остановки в Смирне и на острове Родос. 7 февраля судно вышло из Эгейского в Средиземное море. Затем последовала стоянка в Бейруте, а в Яффе из-за шторма пароход не стал высаживать паломников и проследовал в Египет. 15 февраля путешественник отправился из Александрии в Каир, а потом обратно. После этого 22 февраля он через Яффу все же прибыл в Иерусалим. Следующие два с лишним месяца мемуарист путешествовал по Святой земле.

Следует отметить, что он побывал в большинстве сакральных мест, которые традиционно посещали российские паломники. Это был Иерусалим с его ближайшими окрестностями, Вифлеем, Горняя, Хеврон, Наблус, река Иордан, лавра св. Саввы Освященного. Многие паломники из-за недостатка времени успевали побывать только в Иудее и Самарии, а на Галилею, расположенную значительно севернее Иерусалима, у них времени не хватало. Однако отпуск, который выхлопотал о. Иоанн у своего владыки, был длительным, поэтому он имел возможность в Галилее посетить Назарет, Кану, Тивериадское озеро и гору Фавор, которые многие российские паломники так и не видели во время своих путешествий. Вообще поездка подольского иерея отличалась

тщательностью осмотра священных достопримечательностей, в том числе и тех, которые не считались первостепенными по важности. На те два с лишним месяца, которые о. Иоанн провел в Святой земле, пришлась значительная часть Великого поста и празднование Воскресения Христова, которое он провел в Иерусалиме. В этом отношении он не отличался от многих российских паломников, которые направлялись в Палестину на Пасху или на Рождество Христово.

В целом на Ближнем Востоке о. Иоанн посетил большинство христианских святых мест, куда заглядывали российские паломники. Не побывал он только в Сирии, а также на Синае, который некоторые богомольцы из России видели во время перехода пешком или на верблюдах из Египта в Палестину, но такие путешественники составляли скорее исключение, чем правило.

26 апреля 1867 г. автор воспоминаний отбыл из Иерусалима в порт Яффу для того, чтобы следовать оттуда на Афон. Далеко не всем русским паломникам удавалось совместить в одном путешествии посещение Святой Земли и Святой Горы. Увидеть за одну поездку и то и другое удавалось только тем, кто располагал достаточным временем.

8 мая И. Рыжановский прибыл на Афон и по нашим предположениям провел на полуострове около месяца. В его записках о путешествии по Святой Горе мы нашли только одну опорную дату – 14 мая он поднимался на вершину Афона. За время пребывания в монашеской республике он побывал в очень многих монастырях и скитах, как русских, так и греческих, молдавских и др. Разумеется, особенно пристальное его внимание привлекли такие обители как Пантелеймоновский русский монастырь и лавра св. Афанасия. Также он посетил и описал в своем мемуарах более или менее подробно Карею, Котломуш, Серай, Ватопед, Пантократор, Лак, Дионисиат, Григориат, Симонопетр, Ксиропотам, Дохиар. Зограф, Эсфигмен, Хиландарь и другие обители. Повествование прервано, что называется, на полуслове, и заканчивается перечислением христианских реликвий Халандаря. В дальнейшем, как отмечалось выше, публикация данных мемуаров не возобновилась.

Как видно, автор, еще находясь в родной для него Подолии, составил некий маршрут путешествия по святым места и старался придерживаться его. Но в двух случаях его планы нарушились. Первый раз это произошло в самом начале путешествия, когда пароход направлялся к главным морским воротам Палестины – Яффе. Во время перехода из Бейрута на море началось волнение, перешедшее в нешуточный шторм. Поэтому капитан парохода в нескольких милях от заветной для паломников цели резко повернул прочь от берега. Удивленный отец Иоанн спросил капитана, куда они направляются. Оказалось, что судно взяло курс на египетский порт Александрию. Это означало длительную отсрочку свидания паломников со Святой Землей. В целом изложение событий в мемуарах И. Рыжановского ведется без особого накала эмоций, но здесь сдержанность изменяет автору. Он так описывает свои чувства: «Смотря на палестинскую землю и не имея никакой возможности выгрузиться на оную, я рыдал как малое дитя, считая себя окаянным грешником, не могущим за грехи удостоиться поклониться святому гробу Господню!»¹² В Яффу, а затем и в Иерусалим ему удалось попасть только через несколько дней.

Второй раз страстно желаемое не удалось осуществить во время пребывания на Афоне. Отец Иоанн планировал подняться на вершину горы Афон и отслужить там литургию, однако, получил от одного из афонских монахов краткую отповедь: «не Вам там служить». Из дальнейших расспросов выяснилось, что на вершину очень тяжело подняться даже молодым людям. Однако, о. Иоанн в горах никогда не был, о трудностях подъема на большие высоты не знал и поэтому наивно верил в успех своего намерения, заранее приготовив все необходимо для богослужения. Как ему и предсказывали, уже на половине высоты афонского пика престарелый русский паломник выдохся и, несмотря на помощь своего спутника – помещика И.А. Попова, он так и не добрался до вершины.

Правда, И. Рыжановский был вознагражден фантастическими по красоте видами, которые открывались с высоты на полуостров и окружавшее его море¹³.

Рассматриваемые нами мемуары названы «Описанием путешествия...», поэтому автор добросовестно рассказывал обо всех встреченных им объектах сакральной географии. При этом время от времени он, стремясь помочь потенциальным паломникам, снабжал их полезной бытовой информацией. Например, он сообщал, что в Каире остановился на христианском подворье Джуванья, где обитали монахи. Относительно подходящего места для остановки в Яффе о. Иоанн указывает на греческое православное подворье (Метох), наряду с которым в качестве пристанищ есть аналогичные постоянные дворы для католиков и приверженцев армянской церкви. Что касается Иерусалима, то здесь, по словам автора, лучшим вариантом приюта являются так называемые Русские постройки, «в которых, – по словам автора, – я два с половиной месяца жил преспокойно»¹⁴. Таким образом, можно констатировать, что автор так или иначе в своих мемуарах осуществлял организационное сопровождение потенциальных паломников из России, давая им маршрутную информацию не только о том, какие священные достопримечательности необходимо посетить, но и о том, где паломник может найти временный приют.

Паломники уезжали из родных мест за тысячи верст и их поездки по святым местам продолжались при кратком варианте маршрута – несколько недель, а при посещении всех основных святых мест, как в Палестине, так и на Афоне – по несколько месяцев, порой – в течение года. Хотя в паломничество ездили чаще всего, не по одному, а за компанию, тем не менее, за столь длительный период поклонники успевали соскучиться по родине. Тем более ценными были для них встречи с памятками о родине на чужбине. Несколько таких эпизодов особо акцентировал в своих воспоминаниях о. Иоанн.

Напоминания о родине порой оказывались совершенно неожиданными. Одно из них встретилось о. Иоанну в далекой Александрии. Ни один из предстоятелей восточных церквей не имел такого громкого титула как патриарх Александрийский (тогда эту должность занимал Никанор): «Блаженнейший, Величайший, святейший Господин, Князь и Владыка, Папа и Патриарх великого града Александрии, Ливии, Пентаполя, Эфиопии и всей земли Египта, Отец Отцов, Пастырь Пастырей, Архиерей Архиереев, тринадцатый из Апостолов и Судия Вселенной». Патриарх считался наследником евангелиста Марка, который стал первым епископом Александрийским. Каково же было удивление русского паломника, когда патриарх заговорил с ним на русском языке, почти насильно усадил растерявшегося волынского батюшку рядом собой на диван, спросил его о том, из какой он губернии и кто у них архиерей. Еще более о. Иоанн был удивлен тем, что Никанор знал волынского архиерея Леонтия и просил передать ему свой поклон¹⁵.

Большим утешением во время поездки в Палестину стало для Иоанна Рыжановского общение с главой Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандритом Антонином, который уже около двух лет возглавлял это зарубежное учреждение РПЦ. Прибыв в Иерусалим, о. Иоанн первым делом явился к о. Антонину и получил разрешение занять комнату в недавно построенном доме для паломников на Русских постройках. Через несколько дней он слушал в храме Гроба Господня литургию, которую о. Антонин служил соборно со святогробским духовенством¹⁶.

Как дома чувствовал себя о. Иоанн среди православной русской монашеской братии на Афоне. При этом он обратил внимание на то, что в ризнице Пантелеймоновского собора в одноименном русском монастыре хранятся церковные сосуды и Евангелие – дар великого князя Константина Николаевича в память пребывания его в 1845 г. на Святой Горе¹⁷.

На то и существует путешествие, чтобы отвлечься от повседневной рутины. Если же это не просто путешествие, а паломничество, то смена привычного алгоритма жизни происходит для того, чтобы прикоснуться к сакральному. В воспоминаниях Иоанна

Рыжановского можно отыскать на его маршруте десятки христианских хронотопов, расположенных в Восточном Средиземноморье. Хронотопы представляют собой пространственно-временные связи, в рассматриваемых мемуарах они касаются сразу трех временных срезов. Два из них относятся к священной истории – библейской и евангельской, а третий – к первым векам существования христианства. Автор путешествовал по различным священным местам и в тексте излагал соответствующие ветхозаветные, новозаветные и церковно-исторические предания, которые у него были тесно привязаны к определенным местам на карте Палестины, Афона, Египта и др. Эти хронотопы входили в состав того неофициального списка священных достопримечательностей, который настоятельно рекомендовали посетить паломнику различные путеводители, а вместе с ними и изустная традиция, бытовавшая среди бывалых поклонников, неоднократно путешествовавших по святым местам.

Наиболее древние хронотопы относились к священной истории Ветхого завета. Повествуя о том или ином сакральном месте, автор приводил более или менее пространное изложение соответствующего сюжета из Священного писания. Так, посещение Мамврийского дуба сопровождалось рассказом о том, что под ним Авраам принимал в гостях и угощал Господа в лице трех ангелов. Повествуя об очередном хронотопе, автор воспоминаний описывал его состояние, т.е. насколько хорошо сохранилось данное место. Про Мамврийский дуб он говорил, что его ветви с листьями раскинулись плотным шатром в окружности около 120 шагов¹⁸. Это свидетельство представляется весьма ценным, учитывая то, что лиственный покров этого дерева в XIX – XX в. неуклонно уменьшался, а фотографии дерева, относящиеся к позапрошлому веку, немногочисленны. Относительно города Хеврона говорится, что в нем погребены библейские патриархи Авраам, Исаак и Иаков со своими женами. Ездрилонская долина напомнила автору происшествие с Иосифом Прекрасным, который был продан своими братьями в рабство в Египет¹⁹.

Второй после библейского по временной очередности слой хронотопов – евангельский. Особенным изобилием таких священных опорных точек отличался Иерусалим. И. Рыжановский особенно подробно останавливается на хронотопах внутри храма Гроба Господня, крестного пути Спасителя и др. Большое внимание автора привлеч Гефсиманский сад. Восемь ветвистых маслин он посчитал за современников тех событий, которые происходили здесь без малого два тысячелетия назад. На примере этого места видно, что хронотопы для автора есть как положительные, так и отрицательные. Иногда то и другое может сочетаться в одном объекте. Так, в Гефсиманском саду происходило моление Спасителя о чаше, и почти в то же время он был предан Иудой. Рядом с Каной Галилейской автор увидел место, где, согласно Евангелию, Иисус Христос насытил пятью хлебами и двумя рыбами пять тысяч человек. Здесь обычно паломники останавливались и вкушали пищу в честь чудесной трапезы, устроенной Спасителем. При этом автор не удержался от того, чтобы добавить в канву повествования личный штрих: он говорил, что «и мной недостойным были благословлены пять хлебов и розданы странникам». После этого в примечании говорится, что во время этой церемонии мемуарист почти как наяву представил, как два тысячелетия назад Иисусом Христом было насыщено множество народа²⁰.

Такие своеобразные видения, воспроизводившие события Священной истории в определенных местах, с ними связанных, посещали не только И. Рыжановского. Его земляк протоиерей Н. Карашевич из Волынской губернии, находясь в Иерусалиме и прислушавшись к звуковому фону Святого Града, явственно представил сцену распятия Иисуса Христа и двух разбойников на Голгофе: «Гул и шум торгашей-турок казался мне криком неистовых распинателей и воинов, деливших одежды, а мольбы множества нищенствующих арабов откликались отчаянными воплями висевших на крестах разбойников»²¹.

Часто встречались на Ближнем Востоке хронотопы, связанные с историей первых веков христианства. Многие из них хранили память о св. равноапостольной царице Елене. Она не только организовала раскопки, в ходе которых были обретены Гроб Господень и Его Животворящий Крест, но и основала целый ряд храмов на месте важнейших событий библейской и евангельской историй. В частности, о. Иоанн Рыжановский побывал в храме, основанный св. Еленой на месте погребения патриархов Авраама, Исаака, Иакова и их жен в Хевроне. Аналогичный хронотоп встретился мемуаристу на Фаворе. Здесь по приказу св. Елены был построен храм Преображения Господня, которое произошло на этой горе. Старый храм не сохранился, и на месте его в XIX в. стоял новый, воздвигнутый стараниями патриарха Иерусалимского²².

В Александрии хронотопы первых веков христианства были представлены местами, где св. апостол и евангелист Лука обратил в христианство многих язычников, здесь же святитель Афанасий Великий, патриарх Александрийский боролся против арианской ереси²³.

Хронотопы Афона в хождении о. Иоанна Рыжановского – это монастыри и скиты Святой Горы вместе с их святынями и различными чудесами, которые здесь происходили в Средние века и в Новое время. Пространно рассказывая о своем пребывании в русском монастыре св. Пантелеймона, автор приводил перечень чудотворных икон, имевшихся в обители и чудес, произошедших от этих образов. В частности он называет икону покровителя монастыря, которая исцеляет болящих, икону св. Иоанна Предтечи, которая не сгорела в неоднократных пожарах, икону Божией Матери Иерусалимской²⁴.

В лавре св. Афанасия, которая являлась главным хронотопом Святой Горы, хранились частицы мощей: главы Василия Великого, св. Михаила Синаидского, св. Иоанна Кукузеля, частицы мощей св. муч. Минодоры, великомуч. Дмитрия, св. муч. Кириака и др.²⁵ В Иверском монастыре прославлялись следующие подвижники православной церкви: грузинский царевич Иоанн, основавший эту обитель в X в., сын его Иоанн, внук Георгий, придерживавшийся безмолвного образа жизни преподобный Гавриил и др.²⁶

В мемуарах абсолютного большинства паломников, путешествовавших по Палестине и Афону, подсознательно для авторов присутствует категория «другого». В социологических исследованиях различаются два ее вида. Во-первых, это значимый «другой», о котором у рефлексирующего субъекта имеется определенная информация. Во-вторых, этот обобщенный другой, о котором сведений нет или они не очень достоверны, будучи основаны не на точном знании, а на слухах.

Категория «другого» может быть как со знаком плюс, так и со знаком минус. Сначала обратимся к тому, перед чем паломники в своих мемуарах однозначно ставили знак плюс, т.е. христианские церемонии, обряды, обычаи, которые не практиковались в Русской Православной Церкви, но воспринимались российскими паломниками с глубоким пиететом. В частности, автор подробно описывает таинство схождения благодатного огня в храме Гроба Господня накануне Пасхи, происходящее ежегодно накануне Христова Воскресения. О. Иоанн лично присутствовал в храме Гроба в тот момент, когда на куполе здания появился, как он пишет «как будто туман и исходящие искры, похожие на зимний мороз при восходе солнца в ясный день». От этого огня были зажжены сначала факелы, которые держал Иерусалимский патриарх, а затем тысячи свеч в руках богомольцев. Описание этого таинства у И. Рыжановского отличается подчеркнутой сдержанностью. Он только упоминает, что «исполнились сердца всех и каждого – верных и неверных неизъяснимою духовною радостью и веселием, описание коих не доступно слову»²⁷.

Категория «другого»-положительного особенно ясно присутствует в тех разделах мемуаров, которые посвящены Афону. В России все, что было связано со Святой Горой, считалось особенно благодатным: афонские иконы были особо чтимыми, монахи-святогорцы почитались образцами праведной жизни, а священные сувениры, привезенные с Афона, становились семейными реликвиями. Автор мемуаров сразу

обратил внимание на то, что призыв к церковной службе делают на Афоне не так как в российских храмах. Сначала монахи колотили в подвешенную деревянную доску, потом в металлическую плиту, и только затем следовал колокольный звон. Всенощное бдение в русском Пантелеймоновом монастыре продолжалось двенадцать с половиной часов(!) Автор честно признается в том, что во время этой службы «по немощи человеческой, а также и по непривычке, отягощаем был несколько раз сном, но всякий раз, как будто единственно за мною следящий монах пробуждал меня, не назначая впрочем епитимьи, как это делается другим за дремоту». Для того, чтобы не заснуть, автор громко читал задравный синодик монастыря. К «другой», хотя и нелегкой для исполнения традиции, автор относится с глубоким пиететом и, сравнивая русскую службу с афонской, говорит, что один только псалом «Благослови душа моя Господи» в монастыре пели час с четвертью, а в России за то же время «не терпящий медленности» священник (подразумевалось – поверхностно относящийся к своим обязанностям) может отслужить всю утреню или даже всенощную²⁸.

Афон и все связанное с ним отличалось не только благодатностью, но и строгими порядками в местных монастырях. Однажды автор обратил внимание на монаха, который лежал на полу при выходе из трапезной и просил прощения у каждого, проходившего мимо его. И. Рыжановскому объяснили, что если кто-либо из братии запоздает на богослужение или разобьет какую-либо вещь из монастырской утвари, то он должен лежать на полу просить прощения у каждого члена братии. Это делалось, не принимая во внимание ни возраст провинившегося, ни его заслуги перед обителью. Как оказалось, провинившийся в тот день монах пролил лампадное масло. Обычай этот произвел большое впечатление на автора, и оно было положительным, еще больше укрепив его глубокое уважение к Святой Горе и ее насельникам²⁹.

В мемуарах наряду с «другим» положительным встречается также «другое», перед которым автор затруднялся поставить знак плюс, как, впрочем, и минус. Вместе с тем, это нейтральное «другое» вызывало большой интерес мемуариста, и он считал его достойным помещения на страницах своих записок.

Нужно учитывать, что поклонники из России попадали в Восточном Средиземноморье не только в иную этно-конфессиональную среду, но и в совершенно другой климатический пояс. В Палестине и на Синае они путешествовали по пустыне или полупустыне с разбросанными в ней оазисами, а на Афоне и на Кипре обнаруживали себя в субтропиках с их непривычной и буйно-разнообразной растительностью.

Относительно Кипра в путевых записках И. Рыжановского говорилось, что «растительность здесь роскошна, пальмы величественны, жители гостеприимны и разговорчивы», автор также замечает, что остров изобилует виноградниками и славится своим виноделием. Однако в целом, флора и фауна далеких земель мало интересовали мемуариста. Он, вероятно, считал эту тему слишком мирской и приземленной для того, чтобы обращать на нее пристальное внимание. Вместе с тем, о. Иоанн не мог пройти мимо «неувядаемого цвета Божией Матери» – цветка, который встречался в скалах на вершине горы Афон. По его словам он «похож на трилистник, цвета розового и приятного». Афонские монахи собирали его для того, чтобы продать паломника в качестве священного сувенира, при этом сбор цветка был очень опасен. Некоторые монахи, не искушенные в скалолазании, разбивались, упав в глубокие пропасти³⁰.

В мемуарах автор остановился на никогда не виденном им природном явлении – горячих минеральных источниках, которые находились в горах рядом с Тивериадским озером и привлекали немало людей своим целебными свойствами. Отец Иоанн упоминает, что в таком источнике ему удалось сварить завязанную в платочек рыбу. Считая этот факт явно третьестепенным в паломнических записках, автор скромно убрал его в подстрочное примечание³¹.

Автор путешествовал по Востоку с февраля по июнь. Естественно, что он застал нестерпимую для обитателя умеренного климатического пояса жару, которая характерна

для полупустынь Ближнего Востока. Весьма показательной деталью его мемуаров является то, что на их страницах мы находим только одну, довольно скромно сформулированную жалобу на невыносимую температуру – во время посещения лавры св. Саввы³². Нужно учитывать, что о. Иоанн был не туристом, который думал о своем комфорте, а паломником, готовым терпеть лишения ради того, чтобы лицезреть святое места.

С удивлением был воспринят мемуаристом «другой», т.е. необычный для российской действительности афонский обычай выкапывать из земли через три года после смерти останки захороненных здесь монахов. Автор пишет, что «с удовольствием» поспешил для того, чтобы посмотреть на эту процедуру. Однако то, что произошло позже, его скорее не порадовало, а удивило. Кости очередного монаха были изъяты из земли, обмыты водой с вином и затем их отнесли в общую для монастыря усыпальницу (так называемую костницу), где череп поместили отдельно от скелета на особую полку, написав на нем имя его бывшего владельца и дату его кончины³³.

Отличия в обрядах, деталях богослужения и устройства храмов в России и на православном Востоке замечал не только И. Рыжановский, но и другие паломники – представители духовенства. Первое что сразу бросалось им в глаза – отсутствие в православных греческих храмах иконостаса, который в России отделял алтарь от основного пространства церкви. Например, священник В. Крючков из Олонецкой губернии сразу обратил внимание на то, что в храме Гроба Господня в Иерусалиме пространство алтаря было скрыто от богомольцев завесой из ткани, в Вифлееме же в храме Рождества Христова не было даже этой преграды. При богослужении в Святой Земле русские клирики в алтаре во время священных действий чувствовали себя дискомфортно, будучи открыты взглядам богомольцев³⁴.

Многих мемуаристов удивляло и даже разочаровывало совершенно непривычное для славянского слуха «другое» греческое пение во время церковной службы. Орловский протоиерей М. Вуколов писал, что «пение греков, унисонное, крикливое, да еще русскому богомольцу не понятное, не совсем приятно русскому уху»³⁵.

Направлявшиеся в Святую землю паломники из российского духовенства знали, что Палестина – край многоконфессиональный, что здесь, помимо местного мусульманского населения, есть православные верующие Иерусалимского патриархата, а также католики, армяне, абиссинцы и другие христиане. Поэтому для них не было неожиданностью то, что многие святыни вселенского христианства принадлежали католикам. Об этих местах тоже идет речь в рассматриваемых нами мемуарах. В частности, о. Иоанн Рыжановский осматривал католический монастырь, расположенный в Горней, на месте жилища Иоанна Крестителя. О главной церкви этой обители автор пишет, что она «отделана привлекательно». Еще большей похвалы автор удостоил католический храм, стоявший на месте, где произошло Благовещение Божией Матери, он называет его «великолепным»³⁶.

При этом ни одного слова против католической церкви в мемуарах не сказано, хотя наверняка у автора были поводы для этого в связи с той западной экспансией в Палестине, которая осуществлялась после Крымской войны. Это объясняется скорее не миролюбивым характером автора и его веротерпимостью, а особенностью эпохи, в которую он жил. Во-первых, всего около десятилетия минуло с окончания николаевского царствования, отличавшегося строгой цензурой печатного и устного слова. Более того, всего несколько лет прошло после того, как в России пало крепостное право. Бросающаяся в глаза бесконфликтность мемуаров объясняется тем, что работник «идеологического фронта» священник Иоанн Рыжановский предпочитал не выступать с какой-либо критикой, опасаясь, «как бы чего не вышло...»

Как мы видим, Иоанн Рыжановский не являлся нетерпимым ортодоксом, как, впрочем, и большинство российских паломников. Он посещал священные места, которые принадлежали не только католикам, но и других христианским конфессиям. В

Иерусалиме подольский священник с интересом осмотрел армянскую патриархию, без зависти констатировав, что «церковь ее богатейшая», стены ее украшены кафелем, пол устлан роскошными коврами, а с потолка свисает множество золотых и серебряных лампад. Он также добавляет, что на дворе патриархии имеются около тысячи келий для армянских паломников³⁷. При этом он не сравнивает эти возможности размещения богомольцев с теми, что имелись в Святом Граде для русских поклонников, а они в 1860-х гг. выглядели гораздо скромнее, чем у армян.

Разительный контраст пышности армянских религиозных заведений представлял совсем небогатый монастырь приверженцев абиссинской церкви, построенный на месте дома св. апостола Марка. Здесь показывали колыбель Спасителя; правда, автор мемуаров, судя по контексту, проявил сомнения в подлинности этой реликвии, употребляя в отношении ее оговорку: «по преданию». Указывая на бедность абиссинцев, И. Рыжановский пишет, что их церковь в Иерусалиме содержится на деньги армян³⁸.

Для сравнения укажем, что в более позднее время круг посещаемых русскими паломниками достопримечательностей расширился, в него на рубеже XIX - XX в. входили не только инославные, но и иноверные религиозные объекты. Священник Е. Мерцалов, побывавший в Палестине в 1899 г., посетил в Иерусалиме, помимо всего прочего, еще и Стену Плача, наблюдая молившихся рядом с ней евреев, а также мечети Омара и Аль-Акса³⁹.

В том случае, если перед «другим» автор совершенно однозначно ставил жирный знак минуса, то «другое» превращается в «чужое», которое мемуарист воспринимал негативно, даже при всей его сдержанности в оценках. Первый раз эта категория появляется, когда автор повествует о стоянке парохода в турецкой столице на пути в Палестину. Попав в огромный многоязычный город, мемуарист обращает внимание читателей на то, что «Константинополь – город контрастов». С одной стороны он признает, что вид Царьграда с моря просто очарователен, а расположение на берегу Босфора придает ему особую прелесть. С другой стороны, при высадке на берег сразу бросаются в глаза «его узкие, кривые, наполненные сором, грязью и страшной вонью улицы, обстроенные высокими, неопрятными домами...» Мемуарист обращает внимание на то, что православные церкви в османской столице есть, но власти запрещали им иметь колокола, и соответственно церковного звона не было слышно. В то же время он с обидой замечает, что в католическом костеле колокола есть, «а по какому праву – неизвестно»⁴⁰.

Столкновения с «чужим» продолжились в Египте, куда паломники попали по дороге в Палестину. Здесь автор даже не упоминает египетские древности; пирамиды как языческие памятники не интересовали православного паломника, хотя он наверняка знал об их существовании. В Египте было достаточно святых мест для христианина, и их русские поклонники не преминули посетить. Хотя автор обычно избегал бытовых деталей, но, очевидно, в стране пирамид житейские неурядицы оказались настолько серьезными, что попали на страницы воспоминаний. При возвращении из Каира в Александрию пришлось ехать на подножке переполненного сверх всякой возможности железнодорожного вагона (и это при преклонном возрасте автора), так что «одно только Провидение Божие спасло меня, что я не упал от сильного кружения головы с летучего вагона». В Александрии перед отплытием в Яффу пришлось ночевать на чердаке импровизированной турецкой гостиницы, где автор чуть не погиб от печного угара, «и не будь со мной товарища, который меня стянул по лестнице вниз, я, наверное, удушился бы до смерти». Именно на этом постоялом дворе автор познакомился с самым употребительным на Востоке словом «бакшиш», которое означало в разных обстоятельства «взятку», «подарок» или «подавание». Бакшиш турки и арабы требовали от русских паломников везде – при входе в святые места, на улицах, на постоялых дворах в качестве платы за реальные или мнимые услуги⁴¹.

С назойливыми просьбами и даже требованиями денег сталкивались практически все паломники, путешествовавшие по Ближнему Востоку. Вятский священник Н. Гусев

заметил, что особенно грубо и откровенно выпрашивают бакшиш в мечетях, которые посещали русские. У автора сложилось впечатление, что местные жители хорошо знали из русских слов только «дава...», которое произносили, протягивая руку за деньгами⁴².

Во время путешествий по Востоку о. Иоанн постоянно сталкивался с тем, как «чужое» наступает на православную религию. Он убедился в этом воочию еще в Константинополе, когда увидел собор св. Софии, превращенный турками в мечеть, но сохранивший «и поныне прежнее свое величие и красоту»⁴³. Аналогичные примеры русские паломники наблюдали и в Св. Земле. Посетивший город Хеврон о. Иоанн увидел здесь сохранивший свое величие храм, воздвигнутый по приказу св. царицы Елены, но превращенный в турецкую мечеть. Вход в нее христианам был строго воспрещен. Очень расстроило И. Рыжановского то, что на месте храма Соломона, в котором неоднократно бывал И. Христос, была построена мечеть Омара⁴⁴.

Свидетельства религиозной агрессивности османских властей на страницах мемуаров довольно многочисленны. В величайшей святыне вселенского христианства – храме Гроба Господня автор увидел на погребальном ложе Спасителя прекрасную плиту, положенную сюда по повелению св. царицы Елены. Но она была распилена надвое самими христианами, чтобы турки не забрали этот мрамор для своей мечети⁴⁵.

Автор явно недоволен тем, что без турецкого присутствия не обошлось даже такое ежегодно повторявшееся чудо как сошествие благодатного огня в храме Гроба Господня в ночь на Пасху. Автора явно коробило участие турецких военных в этой церемонии. Сначала в страстную пятницу турецкий офицер запирает и запечатывает часовню, где появлялся огонь. Автор не указывает причины этого, но знающим людям было понятно, что османские власти не доверяли православным христианам, они предполагали, что в кувкулю могут пронести накануне церемонии спички или огниво. В субботу офицер отпирал эту часовню перед входом в нее патриарха. При этом в храме Гроба находилось около 200 турецких солдат. Автор не упоминает, что они присутствовали для поддержания порядка, который мог быть нарушен, скажем, столкновением приверженцев православной и армянской церкви или же слишком бурным ликованием православных арабов, что случалось регулярно⁴⁶.

Наверное, подольский паломник предполагал избавиться от преследовавшего его на Востоке «чужого», попав на Афон. Однако и здесь в крепости вселенского православия, оно все же присутствовало и неожиданно появилось на страницах мемуаров, когда о. Иоанн рассуждал о той широкой власти, которую на Святой Горе имел протат – афонский синод. Из дальнейшего повествования оказывалось, что здесь в монашеской республике есть еще назначенный из Константинополя турецкий ага – «представитель внешней власти и полицейских мер для Афона»⁴⁷.

Если в мемуарах И. Рыжановского католическая церковь в Палестине воспринимается им всего лишь в качестве «другого», то в более поздних воспоминаниях русских паломников отчетливо видно, что они очень обеспокоены расширяющейся экспансией западного христианства, и «латинство» (католичество) превращается у них уже в «чужое». Вятский паломник А. Трапицын обратил внимание на то, что католики постоянно стремились расширить сферу своего влияния в храме Гроба Господня, принадлежавшем одновременно православными, католикам и армянам. Они применяли для этого поистине иезуитские приемы. Только что упомянутый нами автор сетовал: «Где-нибудь в стене незаметным образом вбивался гвоздь, и на него помещалась еле заметная иконка; к этой иконке захватители начинали прикладываться при поклонниках. Через некоторое время на этот гвоздь захватители помещали уже большую икону, и начинался спор, переходивший нередко в кулачную расправу, которую прекращали турецкие солдаты». После Крымской войны представители разных конфессий договорились о том, чтобы соблюдать статус-кво. Но тот же А. Трапицын в 1890-х гг. увидел рядом с ротондой Гроба Господня портрет римского папы Льва XIII, попавший туда явно «контрабандным» путем. Комментируя эту ситуацию, автор замечал, что она

«оскорбительна для религиозного чувства» (православных), тем более что у латинян есть в том же храме свой придел, куда можно было поместить портрет их понтифика⁴⁸.

Католики вели целенаправленную просветительную работу среди местного населения с целью перехода его из православия и других христианских конфессий в католичество. Как справедливо считал путешествовавший по Палестине А.В. Елисеев, эта иноверная пропаганда «заботится не столько об образовании молодых арабов, сколько об уловлении в свои сети многочисленных несториан, друзов, сириан и других христиан Востока, не исключая и православных». Ту же цель преследовали и социальные учреждения – больницы и приюты. Социокультурная деятельность «латинян» велась со знанием дела, при этом денег для нее не жалели. Елисееву после обозрения многочисленных больниц, приютов и школ в Бейруте стало страшно за судьбу православия в этом регионе, тем более что он увидел в городе только около десятка православных церквей и одну небольшую греческую школу. По подсчетам Елисеева, за 30-40 лет после Крымской войны католики совместно с протестантами обратили здесь в свои исповедания около 1,5 тыс. православных арабов. В мемуарах Елисеева, который отличался большой откровенностью и нелицеприятностью суждений, католичество однозначно выступало для русского путешественника как агрессивное «чужое»⁴⁹.

Собираясь в Святую землю и общаясь с бывальыми паломниками во время путешествия по ней, автор наверняка впитывал в себя различного рода слухи о том, что его ждет во время поездки. Слухи представляли собой народную информацию, неизбежную при слабо развитых средствах массовой коммуникации. В слухах даже правдивая информация в результате многократного прохождения через разнообразных трансляторов приобретала весьма причудливые формы. «Слухоборазующими» элементами, т.е. блоками народной информации становились из ряда вон выходящие события, непривычные по обычаям и менталитету люди, которые жили в дальних землях. По степени экспрессии В.В. Латынов делил слухи на три вида: слух-желание, слух-пугало и агрессивный слух⁵⁰.

Слух-желание связан с коллективным стремлением к какой-либо благой цели. Например, среди русских паломников долгие годы циркулировал слух о том, что когда-либо в будущем крест снова будет водружен в Царьграде на храм св. Софии. Наиболее распространенными слухами-пугалами были передававшиеся устным путем неофициальные сведения о жестоких штормах, которые ждали паломников на их пути на Восток, о населении Святой Земли – агрессивном и фанатичном. Вариации экспрессивности этих слухов были многочисленны – от меланхолично-пессимистических до откровенно панических. Что касается агрессивных слухов, то для православных паломников как для людей сугубо мирных они были не характерны. Обычно агрессивные слухи активизировались при крупных стихийных бедствиях, обострении социальных конфликтов.

Слухи как устная народная информация на страницах мемуаров И. Рыжановского обретали печатную форму. Чаще всего это были слухи-пугала, т.к. бывалые паломники любили рассказывать своим неискушенным в паломнических делах спутникам различные «страшилки». В связи с этим слухи довольно быстро превращались в страхи, в частности по поводу агрессивности местного иноверного населения.

По страницам мемуаров разбросаны отдельные упоминания о потенциальных опасностях, например, о том, что в городе Дженин «нравы его жителей свирепы». Относительно Назарета говорится, что он не защищен стеной, но имя Богоматери охраняет его от «буйного населения»⁵¹. Описывая свое посещение лавры св. Саввы, автор приводит печальную историю о том, как «пустынные арабы» не раз разрушали эту христианскую обитель и о том, что наглядным свидетельством бедствий монастыря являются хранившиеся в нем около 14 тысяч черепов отшельников, многие из которых погибли от рук врагов христианской веры⁵².

Страхи были связаны не только с враждебной этно-конфессиональной средой, но и с природными катаклизмами. Иоанн Рыжановский был типичным сухопутным человеком и наверняка в первый и последний раз в своей жизни оказался в открытом море. На беду, ему и его спутникам не повезло с погодой, и на пути от острова Родоса к Бейруту в Средиземном море разыгралась нешуточная буря. Паломники, составлявшие большинство пассажиров, были очень напуганы, они просили друг у друга прощения перед возможной гибелью, некоторые обращались к о. Иоанну с просьбой выслушать их исповедь. Мемуарист сначала крепился и честно исполнял пастырские обязанности, несмотря на приступы морской болезни, «пока не потерял и сам присутствия духа, и не упал на пол, закачавшись окончательно. В таком состоянии пролежал более 3 часов...»⁵³ Впечатления о пребывании в море были одними из самых неприятных во время путешествия.

Мемуары Иоанна Рыжановского, как и воспоминания других российских паломников, являются весьма информативным источником. В них современный исследователь может найти материал о положении различных религиозных институтов в Палестине, об их отношениях между собой, о маршрутах передвижения православных паломников и о сакральных хронотопах, с которыми они встречались во время путешествия. В источниках личного происхождения можно прочесть, порой – между строк, о личном отношении российских богомольцев к ближневосточным проблемам.

В мемуарах почти постоянно присутствует на невербальном уровне категория «другого». Оно вовсе не обязательно вызывает у мемуариста отторжение, перед ним может стоять и знак «плюс», причем весьма значимый. Это явственно видно из воспоминаний о. Иоанна о его путешествии по афонским монастырям. Традиционно святогорские святые и подвижники благочестия вызывали у русских поклонников не только уважение, но и глубокий пиетет. Судя по проанализированному нами источнику, «другое» может существовать и без знаков плюса или минуса. Это касалось не только близких по вере и отличных по обряду православных греческих церквей, но и католиков. Инославные конфессии вызывали у российских паломников скорее интерес, чем неприятие. То ли мемуаристы не знали об острых конфликтах восточного и западного христианства, то ли не хотели акцентировать на них свое внимание. Вполне возможно, у авторов на этот счет действовала сознательная или подсознательная самоцензура. Совсем по иному окрашено отношение рассматриваемого нами автора к турецким властям и иноверному населению Палестины. Здесь «другое» превращается в «чужое», которое вызывает у русского богомольца настороженность, страх и даже враждебность.

На страницах воспоминаний более или менее регулярно упоминаются и воспроизводятся слухи, которые часто превращались в страхи, в немалом количестве циркулировавшие среди паломников. Сравнивая мемуары различных авторов, можно заметить отчетливую закономерность, состоявшую в том, что слухи и страхи более характерны для паломников из рядового провинциального клира, к которому принадлежал И. Рыжановский. И то, и другое реже встречается у тех, кто имел академическое духовное образование. Слухи и соответственно страхи чаще возникали в результате дефицита информации и недостаточно широкого кругозора авторов.

Особенностью мемуаров, вышедших из-под пера духовенства, являлось то, что они обращали большее, чем миряне, внимание не только на посещаемые ими вселенские христианские святыни, но и ритуальную сторону религиозного культа, на обрядовые различия православных, католиков, армян. По сравнению с мемуаристами-мирянами, поклонники из духовной среды не останавливали подолгу свой взгляд на красивых пейзажах, пище, одежде местного населения, средствах передвижения, почти не упоминали об изнурительной жаре зоны полупустынь. Авторы считали, что в мемуарах о паломничестве к святым местам такие детали несущественны или даже неуместны.

¹ 14 – 15 ноября состоялся крестный ход с чудотворной иконой Божьей Матери «Касперовская» URL: <http://missia.od.ua/page,3,1153-14-15-noyabrya> (дата обращения 07.10.2016).

² Подольские епархиальные ведомости (далее ПЕВ). 1868. № 7. С. 190; 1869. № 8. С. 350.

³ Указатель Подольских Епархиальных Ведомостей. 1862 – 1905 гг. (за все время издания их). Каменец-Подольск: Типография Свято-Троицкого Братства, 1907. С.V.

⁴ ПЕВ. 1868. № 5. С. 139 – 145, № 6. С.166 – 172, № 7. С.190 – 198, № 10. С.298 – 303, № 13. С.391 – 397, № 17. С. 513 – 525, № 22. С. 716 – 728, № 23. С. 765 – 778; 1869.№ 8. С. 347 – 352, № 10. С.441 – 447, № 11. С. 489 – 495.

⁵ Там же. 1868. № 5. С.139; № 6. С.171; 1869. № 11. С. 492.

⁶ Григорович-Барский В.Г. Странствования по святым местам Востока. Ч.1. 1723-1727. М.: ИИПК «Ихтиос», 2004.

⁷ Вятские епархиальные ведомости. 1896. № 13. С.684.

⁸ ПЕВ. 1895. № 17. С.720; № 21. С.887 и др.

⁹ Там же. 1895. № 6. С. 236; № 21. С. 1026.

¹⁰ Там же.1896. № 6. С. 238.

¹¹ Там же. 1868. № 7. С. 190.

¹² Там же. 1868. № 5. С.144 – 145.

¹³ Там же. 1869. № 8. С. 350-352.

¹⁴ Там же. 1868. № 6. С. 169-171; № 7. С. 190.

¹⁵ Там же. 1868. № 6. С.169.

¹⁶ Там же. 1868. № 7. С. 190, 192.

¹⁷ Там же. 1868. № 22. С. 721; История Ильинского скита на Афоне URL: <http://pravlife.org/content/istoriya-ilinskogo-skita-na-afone> (дата обращения 07.10.2016).

¹⁸ Там же. 1868. № 10. С. 300-301.

¹⁹ Там же. 1868. № 10. С.300; № 13. С.393.

²⁰ Там же. 1868. № 7. С. 192, 194; 1868. № 13. С. 396.

²¹ Волынские епархиальные ведомости. 1874. № 20. С. 736.

²² ПЕВ. 1868. № 10. С. 300; № 13. С.393.

²³ Там же. 1868. № 6. С. 167.

²⁴ Там же. 1868. № 22. С. 718-720.

²⁵ Там же. 1868. № 23. С.776.

²⁶ Там же. С. 772-773.

²⁷ Там же. 1868. № 17. С. 524 – 525.

²⁸ Там же. 1868. № 22. С.717, 720.

²⁹ Там же. С. 721.

³⁰ Там же. 1868. № 17. С.525; 1869. № 8. С.350.

³¹ Там же. 1868. № 13. С. 396.

³² Там же. 1868, № 17. С. 515.

³³ Там же. 1868. № 22. С.717.

³⁴ Олонецкие епархиальные ведомости. 1912. № 7. С. 151.

³⁵ Орловские епархиальные ведомости. 1913. № 13. С. 398.

³⁶ ПЕВ. 1868. № 7. С. 197; № 13. С. 394.

³⁷ Там же. 1868. № 17. С. 519.

³⁸ Там же. С. 520.

³⁹ Мерцалов Е., священник. От Петрозаводска до Иерусалима и обратно. Путевые записки и впечатления паломника. М.: Индрик, 2014. С. 184-185, 210-213.

⁴⁰ ПЕВ. 1868. № 5. С.140-141.

⁴¹ Там же. 1868. № 6. С. 170.

⁴² Вятские епархиальные ведомости.1900. № 10. С. 465.

⁴³ ПЕВ. 1868. № 5. С. 140.

⁴⁴ Там же. 1868. № 7. С.193; 1868. № 17. С. 517.

⁴⁵ Там же. 1868. № 7. С.193.

⁴⁶ Там же. 1868. № 17. С.524-525.

⁴⁷ Там же. 1868. № 22. С.726-727.

⁴⁸ Вятские епархиальные ведомости. 1896. № 6. С. 247 - 248.

⁴⁹ Елисеев А.В. По белу-свету. Очерки и картины из путешествий по трем частям старого света. В 4-х т. Т.II. Изд. 2-е. СПб.,1904. С. 286, 346 - 348.

⁵⁰ Латынов В. Слухи: социальные функции и условия появления. URL: <http://psyfactor.org/lib/gumors3htm> (дата обращения: 13.11.2014).

⁵¹ ПЕВ. 1868. № 13. С. 393 – 394.

⁵² Там же. 1868. № 17. С. 514.

⁵³ Там же. 1868. № 5. С.142.

Опубликовано: Православный Палестинский сборник. Т.112.